

Маска смерти / Deathmasque (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Маска смерти / Deathmasque
(рассказ)

Автор	Грэм Макнилл / Graham McNeill
Переводчик	Ульвейн
Издательство	Black Library
Год издания	2013
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Посланник смерти крался улицами Тор Иврессе. Облаченный в закопченный плащ, скрывавший его как в тени, так и на свету, он скользил к своей цели неумолимыми шагами. Белая фарфоровая маска под капюшоном отражала свет далекого факела, и казалось, что черты лица с каждым ударом сердца меняются с юных на старческие. Из-под маски выбивалось лишь несколько платиновых локонов, словно последние клочки волос, приставшие к лишенному плоти черепу.

До него доносились голоса, поднимавшиеся к небу песнями, и его бескровные губы искривились в презрительной гримасе.

Сотрясавшие воздух этой ночи из ночей, голоса, были полны надежды, и ему казалось, будто они издеваются над ним. Эта часть города была окутана тьмой, величественные здания на противоположной от него стороне были пусты и покинуты. Ни единого огонька свечи или мягкого сияния магических светильников не вырывалось из темных окон, и лишь духи скитались их, полными гулко эха, вестибюлями и трапезными комнатами. Ему нравилось бродить здесь, находя утешение в тишине и отсутствии жизни. Одиночество даровало ему покой, тогда как попытки общения с окружающими были подобны пытке, и он наслаждался тем временем, когда мог гулять по скрученным, пустым улицам, в компании лишь призраков прошлого.

Он помнил время, когда в Тор Иврессе кипела жизнь. Это был город чудес, который затмил Лотерн, бывший лишь чуть красивее обычного морского порта, переживавшего не лучшие времена, пока Финубар Мореход не стал Королем Фениксом. Эти улицы славились своими рынками, на которых можно было приобрести сладости и сдобу на любой вкус. Лотки ломились от сладостей со всего Ультуана, способных удовлетворить даже самого требовательного покупателя.

Перед пришествием короля гоблинов он приходил сюда с братом и весело коротал время торгуясь, выбирал вино грез из Авелорна, мерцающую рыбу, пойманную у побережья Котика и львиное мясо, добытое охотниками в лесах Крейса. Мысли о тех временах теперь вызывали в нем гнев. Как он мог столь безмятежно и легкомысленно тратить время, когда мир только и ждал, как бы отобрать комфортную иллюзию покоя.

Он повернул за угол, двигаясь по вымощенному мраморной плиткой проходу, что вел к обширному амфитеатру, где часто велись представления по пьесам, написанным во времена Аетиса. Его мать обожала театр и частенько ходила сюда вместе с отцом, едва им выпадала такая возможность.

Он прошел к центру амфитеатра, слыша голоса давно умерших актеров, что растянувшись перед просцениумом, декламировали свои строки с театральным апломбом. Даже перед началом конца он ненавидел театр, предпочитая громоподобную кровавую ярость войны. Подобно многим дерзким азур его возраста, он жил жизнью жестокого наслаждения, находя удовольствие прежде всего в искусствах смерти. Еще юношей он возглавлял дерзкие походы в Наггарот, сражался с друкай на берегах Ультуана и убивал ужасных тварей, рискнувших покинуть свои логовища в горах Аннули.

Его мать постоянно ругала его за то, что он был столь мрачен во времена мира, но сейчас, когда он стоял в центре пустынного амфитеатра, он знал, что время доказало его правоту. Песни отдаленного праздника здесь были громче, превосходная акустика отражала случайное эхо слов и музыки. Даже в этой мрачной, наводненной тенями части города, не было спасения от жестоких звуков возрождающейся жизни.

Он знал, что ему придется вернуться на фестиваль. Мысли об этом не радовали его, но этой ночью должна была пролиться кровь. Фестиваль Масок был праздником дикой неводержанности, погоней за излишествами без последствий. Для кого-то это означало неводержанность в еде, для других - в питье или наркотиках. Третьи удовлетворяли свои гедонистские порывы, попирая все границы приличий, сокрыв лица масками и росписью. Для других же, существовали более темные аппетиты, которые следовало утолить.

Он покинул амфитеатр и направился к центру города. В сердце Тор Иврессе возвышалась мерцающая башня Хранителя, которую он назначил своей целью. Менестрель, которого он искал, обещал исполнит балладу в театре Детелиона.

Это место идеально подойдет для того, чтобы завершить эту шараду.

Баллада, декламируемая менестрелем, разлеталась над Иврессе, и без сомнений, лучшего фона, чем эта башня для нее нельзя было и представить. Он знал лишь имя менестреля, но этого ему достаточно. В любом случае, описание внешности мало поможет ему в эту ночь. Под своими масками, городские актеры были невидимками, свободными от последствий.

Он вновь шагал пустыми улицами. Казалось, что прошли века с тех пор, как город был столь полон жизни, что многие из этих зданий служили жилищами своим владельцам. Со времени нашествия гоблинского короля, город мог вместить намного больше жителей, чем оставалось эльфов называвших Тор Иврессе домом.

Стены города были высоки и крепки, укрепленные магическими плетениями, но в нем оставалось слишком мало воинов, чтоб защищать их. Тор Иврессе перестал быть бастионом против вторжений, и осознание этого вызывало гнев. Как столь грозный город мог так низко пасть?

Шум фестиваля нарастал, и он ошетинился, предчувствуя неприязнь и раздражение, от приближение к празднующим. Музыка отражалась от стен, кружилась улицами, словно змеевидные ленты света. Она пыталась поднять ему настроение, но наоборот, лишь больше вгоняла в депрессию. И дураку было понятно, что это не место для песен о любви и победе.

Тот факт, что эльфы все еще удерживали Тор Иврессе, еще не значил, что все в порядке.

Улица, по которой он следовал, изгибалась к северу и мягкий, мерцающий свет, естественного и магического происхождения, смешивался, освещая путь. Впереди была Река Звезд, улица магии и света, место чудес и сверкающего волшебства. Тени танцевали на стенах, насмешка жизни и воодушевление, вонзавшие в его сердце острый шип гнева. Прибытие менестреля принесло радость городу, распространяя волну эйфории среди его жителей. Каждый слышал фрагменты его баллады, но сегодня ночью он будет петь для тех, кто видел эти события своими глазами.

Театр Детелиона распахнет свои двери перед гостями, пришедшими услышать эту опасную работу негодяя-менестреля, но любой, кто был очевидцем кровавого штурма гоблинского короля, не одобрит воспевание этого ужаса. Некоторые вещи лучше оставить истории - не забывать, но и не праздновать. Не увековечивать в песнях. Он остановился, чтоб успокоить дыхание, чувствуя, как его ладони сжимаются в кулаки. Он был вспыльчив, но подавил свой гнев чередой ментальных упражнений, переданных ему отцом. Он повернул на Реку Звезд и позволил фестивалю захлестнуть себя в полной мере.

Повсюду были свет и волшебство. Эльфы Тор Иврессе, обычно столь невозмутимые и несклонные к витиеватостям, сотнями толпились на улицах. Они носили свое горе словно плащ, но в эту ночь оно было отброшено, и наряды всевозможных стилей ослепляли глаз своей роскошью. Гуляки были облачены в такое буйство ткани и плоти, которое могло заставить залиться румянцем даже куртизанок Лотерна. Волшебные огоньки кружили над толпой, повинувшись звукам невидимых лир и флейт. Выдыхатели огня скакали посередине улицы, а заклинатели кружили их пламенное дыхание в танце над головами толпы. Сверкающие представления разноцветных драконов, орлов и сражающихся воинов зажгли небеса. Трупы танцоров и акробатов крутились и сплетались в огне, кружились узкими спиралями, представляя древние танцы из времен Аэнариона. Их мантии были подобны крыльям, и они двигались, словно земное притяжение было не властно над ними.

Он двигался сквозь толпу, скачущую в беспорядке, ощущая касания тел вокруг него словно физическую боль. Ему хотелось взять в руки свой рунный меч, но мерцающая перевязь из шкуры химеры осталась лежать в его спальне. Лишь узкий кинжал с листовидным лезвием свисал с его пояса, отрицая радостный дух фестиваля.

Выдыхатели огня двинулись дальше и следующая группа артистов заняла их место. Это было целое воинство раскрашенных фигур, более родственных диким безумцам Танцорам войны азраи, нежели любой из благородных семей Ультуана. Как и акробаты до них, они бросились сквозь толпу, вращая мечи и копья в воинственной демонстрации собственного мастерства. Их смазанные маслом тела, блестели в свете факелов, и смеющиеся гуляки касались их непристойными ласками.

Он ощутил грядущее прикосновение женщины за мгновение до того, как она дотронулась до его руки. Он крутанулся, хватая ее за запястье, когда она протянула руку к его плечу. Подчиняясь инстинкту, он выкрутил ее запястье и направил свободную руку прямо в ее скрытое маской лицо, подобно поршню в механизме гномов.

Кулак не достиг цели, убийственный удар прошел на волосок от изукрашенных драгоценностями черт ее маски. Когда он схватил ее руку, она схватила его. Они отпустили друг друга одновременно, и он отступил назад, когда толпа отхлынула от его яростной вспышки, нарушивший все правила этикета фестиваля. Женщина выпрямилась и принялась массажировать плечо, которое он жестоко выкрутил.

Она взглянула во тьму его мантии и на бледную безжизненность маски, наполовину скрывающей лицо.

- А ты быстрый, - сказала она. - Словно баньши.

- Как и ты, - ответил он. - Я мог убить тебя.

- Но не убил. Будь благодарен, ибо это очень разгневало бы моего мужа, а он великий охотник.

- Серьезно? - Вопросил он. - И кто же он, этот великий охотник?

Она склонила голову набок, и он увидел, что ее глаза были сверкающего янтарного цвета. Серебряные крапинки льдистой белизны горели в них и он увидел великую скорбь, словно в глазах матери, что пережила всех своих детей. Золотые волосы, словно свежесрезанные колосья, обрамляли изящную сердцевидную маску из серебра, несущую лишь одну нарисованную слезу, стекающую по щеке.

- Тебе известно, что это невежливо, спрашивать о именах на Фестивале Масок.

- Так не говори. Мне без разницы. - Пожал он плечами.

Он развернулся, чтоб уходит, но женщина последовала за ним.

- Я скажу тебе, если ты действительно желаешь знать это.

Поначалу она заинтриговала его своей скоростью и скрытой красотой, но ее присутствие уже утомило его и он более не желал потакать ей. У него было незавершенное дело.

- Его имя Курнос, - сказала она, и он остановился.

- Ах, - протянул он, не оборачиваясь. - Ты безумна.

Она танцевала вокруг него, блуждая кончиками пальцев по его груди. - Если горе приводит к безумию, то да, я полагаю, что безумна.

- Твой супруг мертв, разве нет?

- Нет, не мертв, - ответила она оборачиваясь украдкой, словно опасаясь говорить о нем. - Он просто где-то в другом месте.

Он прошел сквозь толпу, наблюдая за акробатом под маской Лоека, кружащегося и смеющегося сквозь гуляк, словно озорной ребенок. Его сопровождала труппа теней в плащах, постоянно танцующих под неслышную никому музыку и не останавливающихся ни на мгновение. Последователи Танцора Теней были капризны и выглядели непредсказуемыми, дразнясь и умамливая, воруя и стараясь не обижать в равной мере.

- Я люблю наблюдать за их танцем, - сказала женщина. - Он дает мне надежду.

- В таком случае ты не только безумна, но и обманута, - ответил он, ускоряя свой шаг.

- Почему ты так говоришь?

- Потому что надежда это убежище глупцов. Где еще осталась надежда в этом мире?

- Оглянись вокруг, баньши. Она повсюду. Ты можешь увидеть ее в каждой улыбке, почувствовать в каждой слезинке и услышать в каждой мелодии. Она поет везде, от наивысшей башни до укромнейшей беседки. Даже в самые темные времена, всегда есть надежда.

Он обогнул ее, когда процессия танцоров с мечами прошествовала вниз по улице. Их клинки сплетали серебряную сеть вокруг них, сквозь которую последователи Лоека кружились и кувыркались. Дикие радостные крики эхом отражались от зданий, и музыка вздымалась громче, когда толпа аплодировала их мастерству.

Женщина схватила его за руку, когда воины двинулись прочь, ведомые обнаженным лидером скрывающим лицо под багровой маской Кхейна.

- Их мечи окровавлены, - сказала она.

- Нет, это всего лишь отсвет факелов.

Она схватила его сильнее.

- Ты ошибаешься. Мечи Кхейна всегда окровавлены. Труды Ваула никогда не завершатся, и многие из них бесконечно хитрое оружие, которое он сотворил для борьбы с Тёмным Принцем. И не успев выйти из кузницы, они уже становятся окровавленными.

- Я не вижу крови, - сказал он. - Только прекрасный, серебристо-белый итильмар.

- Ты не видишь крови, потому что ты не познал горе так, как я познала его. - ответила женщина.

Гнев овладел им, и его ладони сжались в кулаки. Его сердце совершило скачок, побуждаемое желанием ударить ее, чтоб показать ей, насколько хорошо ему была знакома скорбь. Он посвятил все, что имел, служению Ультуану, и этого все еще было мало. Никто не знал, сколь страшную цену он заплатил, чтоб сохранить эти земли в безопасности, и она полагала, что утрата одного возлюбленного может перевесить его боль?

- Твой гнев станет твоим уничтожением, - сказала она, и его ярость отхлынула, так что он почувствовал, что может говорить, без желания наброситься на нее.

- Мне знакома скорбь, - ответил он, цедя каждое слово сквозь зубы.

- Тебе знакомо смертное горе, - промолвила она. - Когда же ты должен наблюдать, как прекрасные дети, которых ты любишь больше всего на свете, увядают и умирают на протяжении вечности, тогда ты познаешь истинную муку.

В Иврессе было более чем достаточно горюющих вдов и матерей - гоблины, друкаи и люди поспособствовали этому. Каждая семья в городе познала горечь утрат, а белых плащей скорби на улицах встречалось куда больше, чем ярких шелков на последнем фестивале в Лотерне. Он помнил смерть своего отца, за которым быстро последовал черед брата. У него не было времени на скорбь, ведь потребности войны не оставляли времени на горе. Оковы долга вели его, и жизнь, которую он знал, обещавшая возвращение Золотого Века, осталась лишь глубоко в памяти. Эта женщина всего лишь отвлекала его внимание, что раздражало, а он потратил на нее в пустую слишком много времени. В любом случае, печаль, что пошатнула ее разум была ему не интересна, и он отступил назад.

- Я должен вас покинуть, леди, - сказал он. - Мне жаль ваших потерь, но есть долг, который я обязан выполнить этой ночью.

- В ночь фестиваля? - Спросила она. - Тор Иврессе пролил достаточно слез за год, не следует марать эту единственную ночь такой мишурой, как долг. Весь год эти люди скорбят и идут по жизни, словно тени самих себя. Позволь им в эту единственную ночь почувствовать, что они живы, в невозддержанных действиях и провести несколько часов не страшась о будущем.

- Им следует бояться будущего, - огрызнулся он, более не следя за тем, оскорбляет ли он ее своей грубостью. - В будущем лишь кровь и война, смерть и горе. Это все, что есть сейчас, и то, что будет всегда. Верить во что-либо еще бредово.

Он развернулся и двинулся дальше в толпу, игнорируя предложения к совместному времяпровождению от обнаженных эльфов и эльфиек. Их разрисованные тела корчились в сиянии волшебного света над городом, а ритм музыки ускорялся, чем ближе он подходил к центру. На углах улиц, он слышал обрывки стихов, отраженное эхо песен менестрелей. Его сердце черствело всякий раз, едва он замечал мимолетные проблески веселья, каждый клочок эха ненавистной баллады, вызывавшей в нем чудовищные мучения. Баллады о величайшем сражении города. Куда бы он не взглянул, он видел глаза, блестящие от слез, но не слез скорби и пустоты - это слезы проливались от вновь обретенной надежды и обещаний лучшего будущего.

- Глупцы, - прошипел он, наблюдая, как пары раскачиваются в такт песне.

- Считаешь глупым верить в то, что все может наладиться? - Спросила женщина появившись сбоку от него. Он вздохнул.

- Я когда-нибудь избавлюсь от тебя?

- Никогда, - ответила она со смехом, подобным звону серебряных колокольчиков. - Таковая моя природа, упорно верить, что весенняя надежда придет на смену зимнему отчаянию.

Он остановился, едва приятное тепло окутало его, словно утешающий покой крепкого ночного сна. Впервые с той ночи в башне, наполненной жуткими кошмарами, и он почти забыл о том, каково это, чувствовать себя отдохнувшим. Он повернулся, чтоб оказаться лицом к лицу с женщиной, ощущая ее руки в своих, но не чувствуя ее пожатий.

- В конце концов, мир зимы умрет, так же, как и мир лета. Надежда это свет, что дает шанс жизни расцвести, а без нее везде воцарится лишь тьма. Помни об этом, когда решишь вынуть этот кинжал.

Он отдернул руки так, словно обжегся. Толпа взволновалась, и волшебный фейерверк полыхнул над восторженными аплодисментами. Спираль белого и золотого света закрутилась в воздухе, и тысячи песен наполнили сверкающее сердце города, отражаясь от пустых улиц, покинутых усадеб и пустынных рынков. Отдаленное эхо казалось ответом, памятью тех, кто и после смерти пробуждался от силы этой ночи. Песни затихали и он оглянулся в поисках женщины в маске, но ее нигде не было видно.

- Хвала богам, - пробормотал он, поворачиваясь и следуя за толпой. К театру Детелиона.

Великий драматург Детелион из Тиранока написал несколько величайших работ, известных во всем Ультуане, таких как Лес Полночи, Амелия и Тимора, а так же множество горестных, рвущих сердца скорбью, песен. Его произведения были известны и за пределами Ультуана, но лишь малая доля силы, заключенной в словах его произведений, пережила перевод на языки людей. Песни людей были лишь бледными тенями, отражениями оригиналов. Детелион был меланхоличным поэтом, его работы неминуемо заканчивались трагедией - возлюбленные, встретившиеся под звездами, не могли найти счастья, герои проклинали триумфы, что стоили им всего, что для них было дорого.

Он прочел все произведения Детелиона и восхищался работой давно умершего поэта. Несмотря на великую мелодраму в его эпических сказаниях, в них присутствовала похвальная сентиментальность к персонажам этих поэм. Было ли оскорблением, представление подобного произведения в театре Детелиона, или же наоборот, театр был самым подходящим местом для задуманного? Сказать по правде, он не знал.

Возбуждение толпы ощущалось едва ли не физически, восхитительная дрожь, передающаяся по коже, от одного эльфа другому, словно покалывание от магического импульса. Он почувствовал как это чувство коснулось и его, магическая природа его расы заставила его присоединиться ко всеобщему ликованию. Он злобно подавил, вспыхнувшее было чувство, зная, что оно лишь навредит ему, если он, как и прочие глупцы упадет в его тенета.

Это твои люди, промолвил вероломный голос внутри него.

Он тряхнул головой, когда Река Звезд расширилась, выводя его на обширную площадь, которую, непривычный глаз счел бы обращенной в руины. Спроектированная лично Детелионом, эта площадь представляла собой один из древних городов Ультуана, что ныне находится на дне океана. Никто не помнит названия этого города, но говорят, что эти руины можно увидеть глубоко под водой у побережья Тиранока, когда на небе ясно, а море спокойно.

Созданный из искусно сработанных бледно-голубых и зеленых камней, он похож на коралловый риф, поднимающийся из скалы, на которой был возведен Тор Иврессе. Он походит на лабиринт, но где бы не стоял зритель, у него всегда будет замечательный вид на сцену. Островки ярусных сидений, сработанных из желобчатого камня и омытые светом звезд, даруют прекрасную возможность и князю, и бедняку насладиться пьесой или драмой, разворачивающейся перед ними. А за величественностью театра возвышалась Башня Хранителя.

Голубой мрамор ее стен, сейчас угасший, обычно являл собой тончайшую сеть из магических энергий, проходящую сквозь всю каменную конструкцию. Ее основание было скрыто трюком с обрушившимся театром, но лишенная окон сторона башни возвышалась позади, перечеркивая своей громадой небеса,

выше видневшихся вдалеке, островерхих пиков Аннули. Сумеречный свет слабо отсвечивал из одиноких окон Хранителя, а единственный балкон открывал ее одинокому жителю непревзойденный вид на пустой город. Тени танцевали в окне, словно одинокая фигура стояла внутри, и он отвернулся от скорбной башни. В ней самой было напоминание, что город был спасен, но душа его была проклята. Он никогда доселе не ощущал этого чувства, пока не взглянул на башню под таким углом, видя в ней символ великой победы и, одновременно, напоминание о ужасном поражении.

Он ощутил толчок от новой фигуры, эльфа, облаченного в мантию и рогатую маску, призванную придать ему схожесть с Орионом, атавистическим охотником Атель Лорена. Это было жалкое подобие ужасающей аватары Короля Леса, свирепой силы природы, которая леденила душу своей хищной яростью. Фигура согнулась перед ним, с завывающим хохотом, и вновь исчезла в толпе. Увиденное встревожило его, заставляя видеть лица богов в каждой мимолетно промелькнувшей маске, в каждой полускрытой улыбке. Фестиваль Масок был временем чудес и восторгов, когда, как говорят возвышенные души, сами боги могут бродить по земле, но он никогда не думал, что это может быть чем-то большим, нежели литературным преувеличением. Он избавился от своих волнений и двинулся дальше, все ближе приближаясь к сцене.

Никогда ранее этот театр не вмещал столько народу. Каждая секция стен, каждый ярус был занят – все население Тор Иврессе покинуло свои, продуваемые насквозь, дома, чтоб услышать балладу о своей величайшей трагедии. Это одновременно вызывало отвращение и выглядело, словно акт самоистязания, прийти сюда в таком количестве, чтоб услышать балладу о столь ужасной битве.

Он протискивался сквозь толпу, к сцене, над которой разносились живые звуки музыки и голосов певцов, готовившихся исполнить балладу. Он не привлекал большого внимания, когда чье-то скрытое маской лицо оборачивалось в его сторону, оно тут же отворачивалось, едва узнав в его фигуре, одного из предвестников смерти Мораи-хег.

Кинжал на его боку потеплел и он обнаружил, что крепко схватился за его рукоять. Он не мог вспомнить, когда его рука скользнула под плащ, и только призвав на помощь все свое самообладание, смог удержаться от того, чтоб обнажить клинок. Он пытался разогнать багровую дымку, окутавшую его зрение, проталкиваясь сквозь ропщущую толпу с еще большей срочностью, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее, в одном ритме с музыкой. Свет, шум и духота окружали его, и воздух застревал в его горле, когда ему казалось, что толпа давит на него, душит и угрожает раздавить его своими постоянными требованиями, бесконечный долг и страх, что он никогда не оправдает их ожиданий. Он далеко углубился в лабиринт извивающихся стен и проходов, потерявшись в хитросплетении возможных путей, и его голову саднило от боли.

Он остановился, разжав хватку на рукояти кинжала, и стиснул пальцами виски. Боль в голове, сосредоточившаяся позади его глаз, была такой, словно ему в череп воткнули раскаленный стальной прут. Он запрокинул голову назад и испустил мучительный, полный боли крик, эхом отразившийся от стен театра, разнесшись над внезапно притихшей толпой.

Тишина, последовавшая за его криком, была сродни вакууму, пустоте души, и он бросился бежать от вражеских и насмешливых взглядов, которые привлек своим криком. Он бежал мимо танцоров, певцов, музыкантов, заклинателей и чаротворцев. Удары молотов отражались от стен – щедро рассыпая искры, слепой кузнец Ваула, скрывающий лицо капюшоном, придавал форму клинкам и доспехам, окутанным лунным светом. Он бежал, пока не добрался до укромного углубления позади сцены, у которого стояло три, изукрашенные в яркие цвета, повозки. Каждая была кричаще раскрашена и залакирована, так, что их борта сверкали всеми цветами радуги в отраженном свете башни. Высокий эльф с притягательным

лицом и серебряными волосами расхаживал взад и вперед позади повозок, размахивая руками так, словно выступал перед толпой невидимых призраков. В отличие от всех остальных, виденных посланником смерти сегодня, этот эльф не носил маски, – вместо нее он был облачен в броню, настолько непрактичную и смехотворную, чрезмерно изукрашенную и детализированную, что ее невозможно было использовать для боя.

С его талии свисала перевязь с длинным мечом, прицепленным, однако, слишком низко, чтоб его можно было извлечь без труда. Кем бы он ни был, этот эльф не был воином.

Ряженный обернулся и его красивое лицо побледнело от увиденного.

- Милый юноша, не стоит подкрадываться таким образом к темпераментному артисту, наряженному подобным образом, – сказал ряженный под воина эльф.

- Прошу прощения, – сказал он. – Кажется, я заблудился.

- А разве все мы не состоим в одном великом плане? – Ответил прекрасный эльф, ступая вперед и протягивая руку.

- Я Нарентир, – представился эльф. – Возможно ты слышал обо мне.

Черты лица Нарентира были мягкими, даже нежными, и его воинское одеяние теперь смотрелось оскорбительно. Лишь тот, кто встречался с врагами лицом к лицу и проливал кровь, имел право так одеваться. А не какой-то поэт, берущий ужас других, и превращающий его в бескровные драмы.

- Я слышал о тебе, – ответил он, ощущая, как успокаивается биение его сердца. – Собственно, тебя я и разыскивал всю ночь.

- Ну конечно же ты слышал, – сказал Нарентир, прикрывая глаза и улыбаясь. Он откинул голову назад, выдыхая и вслушиваясь в гомон толпы из-за сцены. – Каждый житель Тор Иврессе пришел чтоб увидеть меня. Моя музыка и поэзия наполнена стремлением этих людей, о котором они даже не предполагали до сегодня, безответным стремлением возродить их величайший успех и мучительнейшее горе.

- Есть горе, что следует предать забвению. – Прорычал он. – Нет ничего хорошего в том, чтоб открывать старые раны.

- Не согласен, – сказал Нарентир, не замечая угрожающего тона собеседника. – Если мы будем игнорировать подобные раны, они загноятся, словно фрукты, оставленные без внимания на ветке после созревания. Нет, мы должны принять славу прошлого и все наши воспоминания о нем. Как радостные, так и скорбные, ведь без горечи, сладкое не так приятно.

Рукоять кинжала вновь оказалась в его ладони, а желание прямо сейчас вонзить лезвие в шею менестреля был практически неудержимым.

- Ты говоришь о вещах, которых не знаешь, – отрезал он. – Ты поешь о чести, надежде, любви и триумфе, хотя эти понятия больше подходят для детских сказок. Их нет в реальном мире.

Нарентир засмеялся. – Ох, парень, как же ты ошибаешься. Ты, пришедший в одеждах предвестника смерти, позволил мрачному фатализму Мораи-Хег наполнить твою душу, но теперь я вижу, что твое появление это завершающий штрих, для полотна этой ночи!

Внезапно раздались шумные овации, когда собравшиеся эльфы почувствовали, что великое повествование, ради которого они сегодня собрались, готово начаться. Нарентир, шагнул вперед с гордым видом и взял его за руку, ведя по изогнутой лестнице вверх, к мраморному просцениуму. Его сердце наполнилось противоречивыми желаниями, когда он осознал, что Нарентир коснулся его.

- Сказание об Эльтарионе ничто, без парящего на крыльях призрака смерти! - Воскликнул Нарентир. - Я лишь один актер, и играю много ролей, но ты будешь моей музой, живым обещанием черной тени смерти. Что скажешь ты, безмянный баньши, взойдешь ли ты со мной, по этой уединенной лестнице, став тьмой на моем свете?

Он помедлил, неуверенный в направлении, в каком двигались события этой ночи. Наконец он кивнул, ощущая грань энтузиазма менестреля, вставшую меж ними. - Я буду.

- Чудесно, - ответил Нарентир, шагая к сцене, навстречу приветствиям жителей Тор Иврессе. Все еще сжимая кинжал, он последовал за менестрелем, едва тот занял свое место и аплодисменты стали затихать. Он ожидал от облаченного в нелепые доспехи эльфа лирического лоска, но тот начал повесть без грандиозной напыщенности.

Нарентир говорил, идеально подбирая тембр и время, как профессиональный повествователь, сказитель, что обладает властью зачаровывать аудиторию силой слов. Подобно всем хорошим сказителям, он задал сцену, на которой разворачивалась его история, язвительная береговая линия тумана и тени посреди бури дурных знамений. Из этой раздробленной тьмы пришли гоблины, их оборванный флот, жаждущий резни и войны на островном доме асур. С крыла сцены, он ощущал пристальный взгляд Нарентира и выступил вперед, на сцену, позволяя теням закружиться вокруг него, пока он крался по краю этого пересказа его ночных кошмаров. Его гнев усилился, когда он услышал речь Нарентира о короле гоблинов, о том, кто называл себя Гром. Крадучись сценой, голос Нарентира опустился ниже, повествуя об опустошении гоблинами земель Иврессе, о том, как за одну ночь сгорели поместья и замки, стоявшие тысячи лет.

Аудитория поддалась его нежной балладе, когда музыка поднялась от тоскующей скорбной песни до ужаса. Эмоции наполнили воздух, и даже несмотря на то, что он знал правду о тех днях, его горло сжалось, когда Нарентир продолжил повествование падением Атель Тамара и смертью лорда Мораниона. Он не видел, как горел этот прекрасный замок, и никогда не посещал его чернеющих руин, но когда Нарентир заговорил о бескорыстной отваге Мораниона перед лицом гоблинского короля, он с нежностью проникся желанием однажды отправиться к руинам замка и вдохнуть воздух прошлого. Он обошел Нарентира по кругу, и аудитория задохнулась, четко увидев его лишь сейчас. В руке он сжимал обнаженный кинжал, и Нарентир кивнул ему, пока он подходил к нему все ближе, скользя по кругу. Он едва слышал остаток баллады - все его внимание было сосредоточено на бледной шее менестреля, с пульсирующей подчелюстной жилкой - идеальное место для смертельного удара кинжалом.

Каким должен был стать конец? Не ужасная схватка вокруг Башни Стража, но внезапный занавес смертью рассказчика. Никто из тех, кто видел эту кровавую правду не пал бы столь низко, чтоб глядеть на ложь надежды. Без этого бремени, эльфы Тор Иврессе стали бы свободными, готовыми к сражению с мрачным знанием о собственном роке, ведь когда воин сражается яростнее, чем когда ему нечего терять?

Тучи разошлись, и звезды вновь окутали толпу и ступени своим древним мерцанием. Доспехи Нарентира засияли в их свете, но теперь он выглядел не прекрасным менестрелем, но суровым убийцей, с исхудавшим лицом. И столь полным было преобразование, что он приостановился на круговой дорожке,

его вздох остановился где-то в горле, едва Нарентир начал финальную песнь своего повествования. Позади него башня сияла в свете звезд, словно добровольный участник этого повествования. Он слушал, как Нарентир продолжал удерживать очарование аудитории в своих руках, воспевая тихим голосом, о том, как Эльтарион вошел в башню с ближайшими соратниками, а на следующее утро вернулся один.

Он ощутил как из его груди рвется стон скорби, когда вновь вернулся воспоминаниями в ту ужасную ночь. Ужас и невообразимые жертвы, что он принес в ту ночь, были слишком кошмарны, чтоб их вспоминать, а теперь их преподносили в открытую, ради возвеличивания простого менестреля. Он шагнул к Нарентиру и лезвие кинжала сверкнуло в лунном свете. Толпа замерла в молчании. Ни дуновение ветра, ни шелест ткани не нарушали гробовой тишины. Казалось, что в мире живых остались лишь он и Нарентир.

Менестрель повернул свое лицо к нему и они медленно пошли навстречу один к другому. Он поднял свой кинжал, пока тот не оказался напротив горла Нарентира. Холодок пробежал по его спине, когда он услышал отдаленный смех сперва девичий, полный ребяческого озорства, затем низкий, преисполненный многолетней мудрости, и наконец, ломкий и хихикающий, похожий на смех древней карги.

Его шаги стали нерешительными и он обернулся в толпу. Весь город следил за ним, в абсолютной тишине, за исключением лишь одной фигуры – женщины, облаченной в кремовые одежды и серебряную маску. Казалось, она скользит сквозь толпу, однако никто не мог узнать ее. Где бы она не проходила, он видел, как лица эльфов, что окружали ее в тот момент, омываются светом. И на каждом из этих лиц загорались надежда и радость, их души взлетали ввысь, чтоб услышать, как Эльтарион спас их всех.

Он видел, как сила и отвага наполняют их. Его пример поднял их благородство на такой уровень, о каком они и помыслить не могли. Они обожали своего мрачного лорда, поскольку на уровне подсознания понимали, что он пожертвовал всем ради их спасения.

Надежда была светом, что дарил шанс к жизни, и без нее здесь осталась бы лишь тьма. Он стоял лицом к лицу с Нарентиром. Лишь шаг разделял их, и менестрель склонил голову, обнажая нежную кожу шеи.

- Вы все еще желаете моей смерти, мой лорд? – спросил он, и страх заставил его голос содрогнуться.

Кинжал дрожал в его руке. Он оглянулся на аудиторию, надеясь на еще одно мимолетное видение женщины в серебряной маске. Аудитория ожидала затаив дыхание, что произойдет дальше, зная что перед ними разворачивается великое действие.

Завершиться ли ночь смертью или спасением?

Он опустил кинжал.

- Ты знаешь, кто я? – спросил он.

- Вы – Эльтарион, Страж Тор Иврессе. – сказал Нарентир. – И вы здесь, чтоб убить меня.

- Ты знал?

Нарентир кивнул.

- Я знал об этом с того самого момента, как услышал ваш крик баньши.

- И ты не сбежал?

- А какой в этом смысл? - Сказал Нарентир восстанавливая в голосе хладнокровие. - Я мог умереть в одиночестве, умоляя о жизни, или же я мог умереть на сцене, навеки оставшись в памяти всех тех, кто видел бы мою смерть. Что бы избрали вы?

- Ты храбрее, чем выглядишь. - Сказал Эльтарион. Нарентир с облегчением рассмеялся.

- Уверю вас, мой лорд, нет. Если бы это представление стало бы моим величайшим выступлением, немалой заслугой в том был бы страх, что ваш кинжал прольет мою кровь на эту прекрасную сцену. Я уверен, Детелион бы одобрил надлежаще трагический конец благородного менестреля.

Эльтарион глубоко вздохнул и повернулся к толпе. Он поднял руку и снял маску с лица, позволив ей упасть на сцену. Она разбилась с пронзительным визгом, и Эльтарион вздохнул, избавившись от ужасной личины.

Толпа взорвалась аплодисментами, к которым присоединились дикие восторженные крики, когда Нарентир воздел свой лук. Несмотря на то, что Нарентир жестом предложил ему сделать то же самое, Эльтарион не последовал примеру менестреля, ведь эта ночь была не его. Эта ночь принадлежала Нарентиру.

- Что изменило ваше решение? - Спросил Нарентир повернувшись к нему еще раз.

Эльтарион обдумал вопрос и призраком улыбки промелькнул на его бледных губах.

- Я встретил женщину, - сказал он.

- Ах, прекрасные женщины, - молвил с театральным вздохом Нарентир. - Воистину они укрощают свирепого зверя внутри нас и заставляют нас стремиться быть лучше, чем мы есть на самом деле. Она была прекрасна?

Эльтарион попытался представить женщину, ее золотистые волосы и янтарные глаза, но картина была туманной и неясной. Его пристальный взгляд достигал самых отдаленных частей театра, стремясь увидеть ее еще хоть раз. Он ухватился взглядом за проблеск золотых волос и маску чистейшего серебра у арочного входа. Несмотря на расстояние их разделявшее, он мог видеть омуты ее янтарных глаз, словно она стояла рядом с ним. Серебро, скрывавшее ее лицо, больше не выглядело маской, но воплощением ее божественного сияния.

Одинокая слеза скатилась с ее глаза и сердце Эльтариона освободилось от лежавшей на нем тяжести. Рок, что он возложил на себя в эту ужасную ночь оставался, как останется навсегда, но всепоглощающее отчаяние, что едва не толкнуло его на убийство, прошло.

Она пришла, чтоб спасти его, когда он даже не догадывался о том, что нуждается в спасении.

- Кем она была? - Спросил Нарентир. - Эта служительница, которой я обязан своей жизнью?

- Она была надеждой, - ответил Эльтарион. - Только надеждой.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Маска_смерти/_Deathmasque_\(рассказ\)&oldid=9216](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Маска_смерти/_Deathmasque_(рассказ)&oldid=9216)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 06:51.